

Правовой статус выходцев из Западной Европы в России XVII века

С. П. Орленко

Вопрос о правовом статусе выходцев из Западной Европы в Московском государстве XVII в. является частью глобальной многоплановой проблемы — «Россия и Запад», исторические корни которой уходят во времена образования Древнерусского государства. Традиционно одним из важнейших поворотных этапов в развитии отношений России и Запада считается время реформ Петра Великого, цель которых была ввести Московское государство на равных в круг западноевропейских держав. Однако для того, чтобы такое стремление зародилось в конце XVII столетия, необходим был некий минимум культурного присутствия Запада в жизни Московского государства, а также некая совокупность условий, при которых он мог бы возникнуть и существовать. Носители этого культурного влияния — выходцы из Западной Европы, постоянно жившие в России или приезжавшие на время: военные, купцы, инженеры, медики, ремесленники и т. д.

Необходимость присутствия в России значительного числа выходцев из Западной Европы была вполне осознана русскими властями уже в царствование Михаила Федоровича. Потребность в заимствовании у Запада передового военного опыта, продиктованная политическими реалиями начала XVII в., побудила московское правительство пойти на приглашение «воинских людей» из-за рубежа. И хотя попытка использовать иностранные наемные войска в Смоленской кампании 1632—1634 гг. потерпела неудачу, московские власти продолжали призыв на русскую службу иностранных офицеров, но уже в качестве командиров — инструкторов, обучавших «иноземному строю» русских людей.

Через западноевропейских купцов проходил почти весь товарообмен между Россией и западными странами. Пошлины, взимаемые с товаров «торговых иноземцев, купцов аглинских, галанских и амбурских», существенно пополняли русскую казну. Кроме того, для постоянно воюющей в XVII в. России важны были поставки вооружения и стратегического сырья, также осуществляемые западноевропейскими купцами. Обоюдная заинтересованность в экономических контактах как властей Московского государства, так и западноевропейских предпринимателей позволила последним основать в России ряд промышленных предприятий.

Врачи из Западной Европы оберегали здоровье московских государей. В приказах Золотого и Серебряного дела западноевропейские ювелиры изготавливали уникальные изделия «про государев обиход», в том числе и важнейшие государственные регалии¹.

Завоевавшие доверие иноземцы в качестве поверенных и агентов привлекались русским правительством для выполнения ответственных поручений в странах

Орленко Сергей Павлович — научный сотрудник Музеев Кремля.

Западной Европы (дипломатические миссии, найм специалистов на русскую службу и др.) Услуги выходцев из Западной Европы оказывались незаменимы в областях деятельности, имевших для московских властей первостепенное значение. Западно-европейские офицеры, купцы, медики, инженеры, мастера в XVII в. превратились в необходимый компонент русской действительности.

Однако отличия в вероисповедании, языке и образе жизни резко выделяли иностранцев из основной массы коренного населения. Иноземство и иноверие выходцев из Западной Европы заставляло русские власти рассматривать их как особую категорию лиц, пребывание которых в Московском государстве требовало определенной правовой регламентации. Особенно ярко присутствие иноземцев в русском обществе, число которых значительно возросло к середине XVII в., нашло отражение в важнейшем кодексе русского права — Соборном уложении 1649 года. Если в Судебнике 1550 г. «чужеземцы» упоминались лишь однажды (в ст. 27 — решение споров по торговым и имущественным вопросам), то в Уложении Алексея Михайловича иноземцы (чужеземцы) «служилые, поместные, кормовые, торговые, гости аглинские и галанские; иноземцы крещенные, некрещенные, немцы, немецкие вдовы, немецкие дети» упомянуты в 39 статьях.

Общеправовой статус иностранцев в Московском государстве ясен из содержания гл. X ст. 1 Соборного уложения Алексея Михайловича 1649 г. «О суде»: «Суд государя... Алексея Михайловича вся Русь, судити... и всякие расправы делать всем людям Московского государства от большего до меньшего чину вправду. Также и приезжих иноземцев, и всяких прибылых людей, которые в Московском государстве будут, тем же судом судить и расправы делать по государеву указу вправду»². Итак, иностранцы в вопросе подсудности законам Московского государства были полностью уравниены с русскими людьми. В Уложении Алексея Михайловича не содержится ни малейшего намека на экстерриториальность или консульское право для иноземцев, «какие ни буди земли». Оценка совершенных иноземцами деяний соответствовала русской правовой традиции XVII века. Дуэли, например, в среде западноевропейцев воспринимались русскими властями как «душегубное дело», категорически запрещались и преследовались как уголовные преступления³. К иноземцам, равно как и к русским людям, в зависимости от тяжести совершенных преступлений, применялся весь спектр предусмотренных русским правом следственных действий (не исключая пыток) и судебных приговоров. Единственным проявлением «иностранный подданства» выходцев из Западной Европы было право рассчитывать на удовлетворение обращенных к русским властям просьб о выезде за пределы Московского государства. Впрочем, и это право не было где-либо зафиксировано и зачастую игнорировалось московским правительством⁴.

Важным фактором, оказывавшим значительное влияние на положение выходцев из Западной Европы в Московском государстве XVII в., было отношение к ним православной церкви. «Не крещеных», то есть не принявших православие, иноземцев считали еретиками. Общение с приверженцами «латинской ереси», а также «ересей люторских и калвинских» считали губительным для души русского человека, а самих иноверцев подозревали в неприменном желании свращать православных в свою веру. Иерархи православной церкви считали своим пастырским долгом делать все возможное, чтобы оградить русское население от пагубного влияния «немцев-еретиков». Именно с этой тенденцией связано появление в русском законодательстве норм и запретов, ограничивающих права выходцев из Западной Европы. Начало этому процессу было положено еще в 20-е годы XVII века. По настоянию патриарха Филарета был введен запрет на ношение иноземцами русского костюма с тем, чтобы была возможность всегда отличить иноверцев от православного населения⁵.

Ст. 70 гл. XX Соборного Уложения, содержащая запрет для «некрещеных иноземцев... держати у себя во дворах в работе... русских людей», есть подтверждение более раннего аналогичного указа 1627—1628 гг., принятого при царе Михаиле Федоровиче и его отце патриархе Филарете Никитиче. Этот шаг власти мотивировали тем, что «православным христианам от иноверцев чинится теснота и осквернение, и многие без покояния и отцов духовных помирают, и в великий пост и в иные посты мясо и всякий скорм едят неволею» и т. д.⁶.

В начале 30-х годов XVII в. по приказу патриарха Филарета в один день была разрушена до основания лютеранская церковь и возведена вновь уже за пределами Белого города. Непосредственным поводом для таких действий, по словам Олеария,

послужило неблагочестивое поведение «немок», затеявших драку в своем храме. Однако реальной причиной вытеснения протестантских церквей за черту города было нежелание русского духовенства видеть «кирки и ропаты» вблизи православных церквей. Нежелательным и опасным казалось само соседство русских людей и «еретиков — иноверцев». Ст. 40 гл. XIX Уложения 1649 г. гласила: «А у кого всяких чинов русских людей дворы на Москве в Китае, и в Белеем, и в Земляном городе... и тех дворов и дворовых мест немцам и немецким вдовам не покупать и в заклад не имати. А будет кто русские люди учнут немцам и немкам дворы и дворовые места продавать, им быть от государя в опале. А на которых немецких дворах поставлены немецкие кирки, и те кирки сломать, и вперед в Китае, и в Белом, и в Земляном городе на немецких дворах киркам не быть, а быть им за городом за Земляным от церквей Божьих в дальних местах»⁷.

Завершающим шагом в деле изоляции «еретиков-немцев» от православного населения было создание Новой немецкой, или Новой иноземской, слободы. Указ об отводе земель под Новую иноземскую слободу последовал 4 октября 1652 года. Олеарий так описывал переселение выходцев из Западной Европы: «Был отдан строгий приказ — кто из немцев хочет перекреститься по русскому обряду, пусть остается жить в городе, но кто отказывается поступить так, тот обязан в течение короткого времени вместе с жилищем своим выбраться из города за Покровские ворота на Кокуй»⁸.

Рассматривая ограничения и запреты, вводимые для иноверцев русским правительством, нельзя не отметить их типологическое сходство с политикой, проводимой властями ряда стран Западной Европы в отношении евреев в период средневековья. Очевидны общие формы проявления религиозной нетерпимости по отношению к чужакам-иноверцам. Иудеям предписывалось ношение особого платья или отличительного знака на одежде, запрещалось держать прислугу и нанимать рабочих из коренного населения. Совместное проживание и постоянные контакты евреев с христианами признавались нежелательными, а соседство синагоги и христианского храма — недопустимым⁹. Немецкая слобода в Москве XVII в. является типологическим аналогом еврейских гетто в городах средневековой Европы.

Впрочем, в России XVII в. выходцы из Западной Европы обладали и некоторыми привилегиями. Ст. 260 гл. X Соборного уложения 1649 г. гласит: «А будет кто чужеземцы того своего долгу учнут на нем искать судом, и тот должник, нехотя чужеземцу долгу его заплатить, учнет отыматься от него тем, что он и опричь того чужеземца должен многим русским людям, и на таком должнике велеть долговые деньги наперед править чужеземцу, а русским людям велеть на нем долг править после»¹⁰. Что же заставило русских законодателей середины XVII в. даровать иностранцам право первоочередного взыскания долгов с русских людей?

В целях защиты внутреннего рынка иноземным купцам, за редким исключением, предписывалось продавать свои товары оптом на ярмарках в приграничных городах. Дальнейшее продвижение западных товаров вглубь Московского государства обеспечивалось русскими купцами. Обычно товары отпускались иноземцами русским купцам в кредит для продажи их в розницу. По мнению А. В. Демкина, торговля осуществлялась русской стороной практически полностью в кредит. Московское правительство в высшей степени было заинтересовано в расширении торговли западноевропейского купечества в России. Таможенные сборы с иностранцев в 3—4 раза превышали сборы с русского купечества¹¹. Невозврат русскими людьми иноземцам денег за полученные в кредит товары ставил под угрозу дальнейшее развитие торговли западноевропейского купечества в России, что в свою очередь грозило убытками казне.

Нередки были случаи, когда русские купцы, пытаясь избежать расплаты с иностранными кредитором, ссылались на то, что все средства ушли на погашение их долгов русским людям. Можно предположить, что существовала развитая практика заключения русскими должниками фиктивных долговых обязательств с другими русскими людьми с целью уклониться от возврата кредитов западноевропейским купцам. Объявленная в ст. 260 гл. X Соборного уложения 1649 г. привилегия на право первоочередного взыскания иноземцами долгов с русских людей трижды подтверждалась царскими указами 1671, 1675 и 1676 годов. Но и после этого попытки русских людей отделаться от иностранных кредиторов старым способом не

прекратились. Об этом свидетельствует челобитная торговых иноземцев, поданная в 1691 г.: «А во 199 году били челом...иноземцы Данило Артман, да Николай Росвинкель, на Илью Шерпинева в долгу своем, что он Илья должен им иноземцам по заемным кабалам: Николаю 2280 рубл. слишком, Даниилу 1525 руб. слишком, и чтоб у него Илья запечатать на гостине двор, до разделки с ними, с товары его анбары для того, что он Илья не хотя тех денег платить, стакався с русскими людьми и учиня составные крепости ухоранивается... и тем они иноземцы от него Илья чают себе конечного разорения»¹².

Кредитные отношения русских людей и выходцев из Западной Европы имели еще один деликатный аспект. По русским законам несостоятельные должники (кроме дворян и детей боярских) отдавались в распоряжение займодавца «головой до искупу», то есть должны были отрабатывать долг в хозяйстве кредитора (ст. 206 гл. X Соборного Уложения 1649 г.). Однако, как указывалось выше, власти Московского государства запрещали иноверцам держать у себя русских работников на том основании, что им от «немцев чинится стеснение в вере». Таким образом, с русских должников могла оказаться снятой значительная доля ответственности перед иностранными кредиторами. Подобное положение дел вполне могло бы соответствовать политике «оберегания православия», проводимой русским правительством, но в данном случае грозило убытками казне.

Московские власти были поставлены перед нелегким выбором. И выбор этот был сделан — в царском указе от 19 июня 1671 г. говорилось: «Которые русские люди должны русским людям и иноземцам, и на тех людях править прежде иноземские долги... а хотя которые до искупу и головою русским людям отданы, и тех русских должников освободить, а присылать их для росплаты в иноземцевых исках в государевый Посольской приказ». Цель присылки несостоятельных русских должников в Посольский приказ могла бы послужить предметом дискуссии, если бы не разъяснялась последующим указом от 21 июня 1673 г.: «А у которых людей поместий и вотчин и дворов и животов не будет... а в тож время будут на них челобитчики иноземцы и русские люди, и тех людей отдавать прежде иноземцам головами заживать иски». Этот пункт был подтвержден другим царским указом и на следующий год. Факты выдачи русских должников из Посольского приказа «головой в зажив» западноевропейским кредиторам подтверждаются архивными документами¹³.

На этот исключительный шаг Московское правительство шло, осознавая необходимость законодательной защиты прав иноземных оптовых продавцов в кредитных отношениях с русскими людьми — основы столь прибыльной для казны экспортной торговли западноевропейских купцов в России.

Не менее важной была роль, отводимая русскими властями служилым иноземцам. Начатая в первой половине XVII в. модернизация вооруженных сил Московского государства, формирование войск «иноземного строя» — солдатских и рейтарских полков было невозможно без участия западноевропейских военных специалистов. Русское правительство приглашало из-за рубежа и с охотой принимало на государеву службу иностранных офицеров. Однако содержание значительного числа «воинских немец», среди которых было немало старших офицеров, требовало от государства больших затрат. Стесненное в средствах правительство было вынуждено в ряде случаев наделять служилых иноземцев поместным окладом вместо денежного.

Иноземцы упоминаются среди помещиков и вотчинников Московского государства в статьях Соборного Уложения 1649 года¹⁴. Но, наделяя выходцев из Западной Европы поместьями, Московское правительство вместе с землей передавало иноземцам и живших на ней крестьян. Таким образом, и в отношении служилых иностранцев власти были вынуждены частично отступить от своего правила не допускать личной зависимости православных людей от «еретиков-иноверцев». Как и следовало ожидать, наиболее непримиримым противником права выходцев из Западной Европы владеть поместьями и крестьянами снова выступает православное духовенство. Лишь с середины XVII в. власти Московского государства начинают принимать меры к постепенному сокращению числа поместных иноземцев.

Определенную заботу русское правительство проявляло и в отношении кормовых иноземцев. Ст. 65 гл. XVIII Соборного Уложения 1649 г. гласит: «А которые

государевы грамоты или наказы приставами даны будут по челобитью старого и нового выезду кормовых, а не поместных иноземцев, и с тех государевых грамот и с наказов, с их дел, печатные пошлины для их бедности и иноземства не имати. А с поместных иноземцев печатные пошлины имати так же, как емлют с русских людей»¹⁵. Причина появления данного закона объясняется спецификой имущественного положения кормовых иноземцев. Поместные иноземцы и «служилые по отечеству» русские люди основной доход получали со своих земель, денежный оклад для них был невелик или не выдавался вовсе. Кормовые иноземцы получали денежное жалование куда большее, чем русские служилые люди или поместные иностранцы тех же чинов. Однако задержка жалования, «хлебная и иная дороговля» и т. п. резко сказывались на их благосостоянии.

По всей вероятности, статья была включена в Уложение по просьбам самих кормовых иноземцев. В тексте закона угадывается включенный в него фрагмент челобитной иностранцев — упоминание о «бедности и иноземстве». Обороты, указывающие на крайне бедственное положение просителей, характерны для челобитных XVII в. и встречаются в документах, авторами которых были и русские люди и иноземцы¹⁶.

Рассматривая специфические черты статуса выходцев из Западной Европы в России XVII в., можно заметить, как затягивался узел противоречий между осознанием русским правительством объективной необходимости развития торговли с Западом, использования знаний и навыков западноевропейских специалистов, с одной стороны, и стараниями оградить православное население от «ересей иноземских» — с другой. Московские власти, вынужденные в ряде случаев поступиться принципами «оберегания веры», продолжали осуществление мер, направленных на максимально возможную изоляцию выходцев из Западной Европы от русского общества.

Примечания

1. МАРТЫНОВА М. В. К вопросу об атрибуции регалий царя Михаила Федоровича. В кн.: Памятники мировой культуры. Новые открытия. Л. 1983, с. 392.
2. Соборное уложение 1649 года. Л. 1987, с. 31.
3. Дуэль в Московии 1637 года. В кн.: Археографический ежегодник 1997 г. М. 1997, с. 457—458.
4. Путешествие в Московию барона Августина Майергега и Горация Вильгельма Кальвуччи, послов императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году. В сб.: Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 1. М. 1848, с. 117.
5. ОЛЕАРИЙ А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию. СПб. 1906, с. 178.
6. Соборное уложение 1649 года, с. 111.
7. ОЛЕАРИЙ А. Уж. соч., с. 344; Соборное уложение 1649 г., с. 103.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825 г. (ПСЗ I). СПб. 1830. Т. 1, № 85, с. 273; ОЛЕАРИЙ А. Новое описание путешествия на Восток магистра Адама Олеария. В кн.: Иностранцы о древней Москве. М. 1991, с. 321.
9. Еврейская энциклопедия. Т. 1, с. 314—315; т. 5, с. 450—453.
10. Соборное Уложение 1649 года, с. 61.
11. ДЕМКИН А. В. Западноевропейское купечество в России в XVIII веке. Вып. 1. М. 1994, с. 130, 41.
12. ПСЗ I Т. 1, № 497, с. 860; № 553, с. 938; № 579, с. 982; т. 3, № 1398.
13. ПСЗ I. Т. 1, № 497, с. 860; № 553, с. 938; № 579, с. 982; Российский государственный архив древних актов, ф. 50, 1684 год, оп. 1, д. 2; ф. 35, 1699 год, оп. 1, № 270.
14. Соборное Уложение 1649 года, с. 28; 29; 64; 74; 75; 77; 79; 84; 98; 103.
15. Там же, с. 98.
16. Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М. 1996, с. 197—198.